

Во дворе собралась толпа — люди обступили Хэ Бяня и главу рода, наперебой рассказывая тому о "чудесных способностях" Хэ Бяня.

Тянь Дэфа видел, каким взглядом глава рода смотрит на Хэ Бяня — в нём читалось искреннее одобрение. Когда он вообще в последний раз видел, чтобы глава рода кого-то хвалил? Даже к нему самому тот всегда относился строго и сдержанно, скупясь на слова.

А Хэ Бянь — тот самый жалкий парнишка, что раньше держался в конце толпы, — теперь оказался в центре внимания, словно окружённый звёздами. То самое "высокое уважение и авторитет", к которому он стремился всю жизнь, вдруг досталось какому-то неприметному юнцу. Не боится ли тот надорваться, оступиться и упасть? Да ещё и прикрывается именем предков, разыгрывая из себя чудотворца — неужели не страшится возмездия?

Тянь Ваньсин стоял в стороне и смотрел; в его глазах невольно мелькнули растерянность и зависть — Хэ Бянь полностью занял его место.

Чжан Мэйлинь заметила, как Тянь Ваньсин безучастно уставился на Хэ Бяня. Вспомнив, какого глупца она родила, и опасаясь, как бы он из-за обиды не натворил чего-нибудь, она тихо, с раздражением прошипела:

«Чего уставился? С какой бы удачей ты ни родился, сам же всё и погубил. Даже мать не уважаешь. Смотри, попрошу Хэ Бяня призвать предков, чтобы тебя наказали. Глава рода уже здесь, а ты всё ещё не догадался спрятаться в доме».

Тянь Ваньсин, услышав это, стиснул зубы. Все эти дни он прятался, и на душе было тяжело; не находя выхода, эта глухая злость душила его. Он и Цимин любят друг друга, между ними взаимные чувства — кому они мешают? Они подходят друг другу лучше всех и должны быть вместе. С какой стати другие смеют указывать на них пальцем?

Неужели ему всю жизнь нельзя будет выйти к людям? Разве он у кого-то что-то украл или отнял?

«Верно, глава рода, Тянь Ваньсин увёл чужого мужчину! Да ещё и того самого, что должен был быть обручён с Хэ Бянем!» - старуха У, выпучив глаза, говорила с таким видом, будто ни за что не отступит.

Ещё мгновение назад Тянь Ваньсин внутренне сопротивлялся, но от этих слов вздрогнул.

Он обернулся и встретился взглядом с главой рода — холодным и пронзительным. Лицо его тут же побледнело, он в смятении и стыде опустил голову.

Глава рода с трудом сдерживал гнев, но его усы всё равно дрожали. Сжимая трость, он с силой ударил ею о землю и сурово произнёс:

«Тянь Ваньсин, по тебе видно — упрям до глупости, не ведаешь стыда. Ты окончательно опозорил меня, старика».

Возвращаясь в деревню на воловьей повозке и проезжая соседние сёла, он слышал со всех сторон: люди приходили и рассказывали, как Тянь Ваньсин в день обручения своего брата тайно сошёлся с учёным, как в тот же день ударил собственную мать и даже довёл её до обморока.

Жители соседних деревень вовсе не стеснялись в выражениях, насмешливо спрашивая, не

пропала ли у семьи Тянь удача, раз у них постоянно творятся такие бесчестные и развратные вещи.

Ему, старому человеку, уже стоящему одной ногой в могиле, пришлось выслушивать насмешки от младших — от этого он чувствовал и усталость, и глубокую тревогу за будущее рода.

«Тянь Ваньсин, отправляйся на ночь на колени в родовой храм. Чжан Мэйлинь — за плохое воспитание — будет наказана вместе с тобой!»

Для Тянь Ваньсина это прозвучало как удар по голове — он лишь растерянно стоял, не в силах осознать сказанное. А вот Чжан Мэйлинь прекрасно понимала, что это значит. И действительно, глава рода продолжил:

«Ваши постыдные поступки будут записаны на каменной стеле наказаний в храме. Будете знать, как раскаиваться!»

Глаза Тянь Ваньсина широко распахнулись.

Старуха У сбоку добавила:

«Я же говорила, этот Тянь Ваньсин с малых лет распутный и беспутный, от рождения порочный. Раньше Чжан Мэйлинь за спиной ругала Хэ Бянь, мол, тот глупый — в мать пошёл. А по мне, так вся испорченность Тянь Ваньсина — чисто от самой Чжан Мэйлинь. Теперь, когда его имя внесут на стелу наказаний, будет он для всех поколений примером!»

У Тянь Ваньсина в затуманенной голове будто кровь отхлынула, ноги подкосились, и он бессильно рухнул на землю.

Старуха У уже собиралась с удовольствием продолжить свои насмешки, как вдруг почувствовала на себе сразу несколько пристальных взглядов. Она и не поняла сразу, что сказала не так. Ведь Тянь Ваньсин получил по заслугам — разве не так? Упрямо вытянув подбородок, она устояла в ответ.

И тут со стороны Чжоу Ци метнулся холодный, режущий взгляд. Веки старухи У дрогнули — она мгновенно всё поняла и поспешно заулыбалась, заискивающе проговорив:

«Это всё Чжан Мэйлинь говорила, мол, глупый... Я-то в это никогда не верила. Хэ Бянь, конечно же, необычайно умён, иначе разве выбрали бы его предки в проводники духов?»

Сказав это, старуха У почувствовала, как взгляды с неё спали. Осторожно оглянувшись, она увидела: ладно уж глава рода, Тан Тяньцзяо и прочие сельчане — но почему даже Чжан Мэйлинь выглядит недовольной?

И никто не обращал внимания на Тянь Ваньсина, сидевшего на земле, словно лишённого души.

Глава рода заметил: высокий мужчина с грубыми чертами лица и щетиной уже не казался тем самым глупцом — в его взгляде была холодная, острая решимость. Как ни посмотри, назвать его теперь дураком было невозможно. Неужели человек и вправду может так измениться за столь короткое время?

Старуха У сказала:

«Это всё Хэ Бянь его просветил. Теперь он при нём как личный защитник... да? Э-э... как тебя

там...».

Она не знала, как обратиться к Чжоу Ци.

У Хэ Бяня на мгновение сжалось сердце. Он знал характер Чжоу Ци: на мягкость откликается, а на давление — нет. Даже ему самому тот часто отвечал неохотно, что уж говорить о старухе У.

«Угу».

Хэ Бянь удивлённо посмотрел на Чжоу Ци — он не ожидал, что тот согласится и подыграет ему. Выходит, его старания — еда да добрые слова — были не напрасны.

Тан Тяньцзяо широко раскрыл глаза:

«Так ты не немой?»

С тех пор как этот мужчина стал следовать за Хэ Бянем, он был словно живая стена — почти не говорил, но его присутствие бросалось в глаза. И в решающие моменты он неизменно вставал на защиту Хэ Бяня.

Из-за этого и сам худощавый силуэт Хэ Бяня в глазах деревенских жителей стал казаться куда более загадочным и непостижимым. Похоже, у него и вправду есть настоящие сверхъестественные способности — раз он даже дурака сумел наставить и превратить в послушного защитника.

Старуха У закричала :

«Вот видите, видите! Я же говорила — просветлённый!»

С её видом и манерой говорить можно было подумать, что она несёт какую-то мистическую чушь, но никто из присутствующих не усомнился. Лишь Тянь Дэфа, задыхаясь от внутреннего раздражения, отвернулся — чтобы не видеть и не злиться.

И тут его взгляд упал на Тянь Ваньсина, сидящего на земле, и он воспользовался случаем, чтобы снова обрушиться на него с руганью.

В душе Тянь Ваньсина разлилась горечь. За эти короткие дни он словно прошёлся у самых врат ада: все вокруг показали своё истинное лицо. Он ведь думал, что мать искренне его любит, что она — лучшая на свете. Думал, что все дяди и тётки в деревне к нему добры...

«Всё ещё недоволен на небо и землю?» - прикрикнул глава рода. «Похоже, до самой смерти не исправишься! Чжан Мэйлинь, чего стоишь? Тащи его — пусть идёт стоять на коленях!»

Чжан Мэйлинь подтянула пояс и поспешно схватила Тянь Ваньсина, грубо подняла его с земли и, опустив голову под полными презрения взглядами, увела прочь.

Глава рода отвёл полный разочарования взгляд, тяжело вздохнул и повернулся к Хэ Бяню:

«Сяо Хэ, удалось ли тебе предсказать что-то ещё?»

Тянь Дэфа не выдержал:

«Что он вообще может предсказать? Он сказал, что Ван Саньлан умрёт — а тот уже давно в

городе и жив-здоров!»

С этими словами он, будто ухватившись за повод, начал жаловаться главе рода:

«Этот Хэ Бянь болтает всякую чушь, сеет раздор между семьями Ван и Тянь. Сейчас у семьи Ван к нам большие претензии — говорят, что он злонамеренно проклинает людей. Если бы я их не остановил, они бы уже давно пришли сюда с мотыгами разбираться!»

Прямо на ходу всё выдумывает.

Старуха У уже сердито вытаращилась, собираясь возразить, но на этот раз первой успела Тан Тяньцзяо:

«Да у семьи Ван ещё хватает наглости приходить к нам за объяснениями? Это мы с них должны спросить! Этот Ван Саньлан с детства воровал, пакостил и к женщинам приставал — если такой негодяй умрёт, так ему и надо!»

Старуха У недовольно поморщилась — та говорила не по делу — и поспешно встала:

«Коли Яма призовет к третьей стражи, до пятой не доживёшь! Подождите — сами увидите!»

К тому же старуха У терпеть не могла Тянь Дэфа. Своих он только и умеет, что строить да ругать, а как дело касается семьи Ван — сразу кланяется и заискивает, со всем соглашается. Настоящий трус, который давит слабых и боится сильных.

Чжоу Ци наблюдал за Хэ Бянем. С самого начала тот был окружён сомнениями и нападками, один отвечал на десятки голосов — а теперь уже десятки голосов выступали за него.

Маленький, худой, жалкий с виду — но выражение лица у него оставалось спокойным и решительным. В одиночку противостоять целой деревне — всё равно что муравью пытаться свалить дерево. И всё же он сумел, шаг за шагом, вырваться и найти себе путь к жизни.

У него не было ни силы, ни особых умений, но в нём была крепкая, негибкая воля. Словно семя, зажатое в каменной трещине: пусть слабое, но всё равно пробьётся сквозь камень и будет расти.

Хэ Бянь не стал отвечать Тянь Дэфе и лишь обратился к главе рода:

«Через несколько дней придут ливни и сильный ветер. Стебли кукурузы нужно укрепить, подсыпав землю, а канавы для стока воды — углубить».

Тянь Дэфа тут же ухватился за это:

«Ну ты у нас прямо умник! В деревне старики столько соли съели, сколько ты ещё и не намочил — а ты, услышав пару похвал, уже возомнил себя мастером? Старшие молчат, а ты решил, что ты — перерождённый прорицатель, щёлкнул пальцами — и уже знаешь, когда небо заплачет? Только и умеешь, что воду мутить!»

Сказав это, Тянь Дэфа посмотрел на главу рода — но неловкость заключалась в том, что тот никак не поддержал его слов.

Однако, заметив, что старуха У и Тан Тяньцзяо притихли, Тянь Дэфа понял: они и сами сомневаются, верят наполовину.

Глава рода взглянул на небо — оно и вправду было затянуто тучами. Но такая погода стояла уже давно; даже в предыдущие дни шли дожди, но до ливней дело не доходило. Да и старики, десятилетиями работавшие на земле, не говорили, что надвигается буря.

Глава рода ничего не сказал — было очевидно, что он не поверил.

Хэ Бянь тоже не настаивал.

Ему всё равно никто не поверит.

Раньше он привык молча слушать, когда говорили другие. Никто не спрашивал его мнения; в семье все были умнее и способнее его, а он сам не мог сказать ничего стоящего. Стоило ему робко открыть рот — в ответ он получал лишь резкие упрёки и унижения, как от Тянь Дэфа.

В прошлой жизни он уже набрался смелости и долго, настойчиво пытался убедить главу рода в своих предсказаниях — но тот не поверил. А другие жители деревни, видя, как он днём и ночью возится в кукурузных полях, только отпускали колкости, говоря, что он и вовсе не умеет работать на земле и зря тратит силы.

«Верить или нет — ваше дело. Я предупредил» - сказал Хэ Бянь.

Ещё колебавшиеся старуха У и Тан Тяньцзяо тут же поверили. Особенно глядя на спокойный и твёрдый взгляд Хэ Бяня — какие тут могут быть сомнения? Они сразу же побежали домой и начали готовиться к работе в поле.

В следующие несколько дней жители деревни видели, как старуха У, Тан Тяньцзяо и ещё несколько семей с раннего утра до поздней ночи трудятся на своих участках.

Семья Ван тоже услышала, что Хэ Бянь предсказал сильный ливень, но не придавала этому значения и только посмеялась:

«Луна светит ярко, дорогу видно как днём, и в поле всё прекрасно различимо. А Хэ Бянь твердит, что через пару дней будет буря с ливнем. Что, его слова — закон, которому надо подчиняться? По-моему, он просто дурачит вашу семью Тянь. Прямо как будто свинья поумнела и людей есть начала — он просто издевается над вами в отместку! Ну пойдёт дождь — и что с того? Урожай же не из глины слеплен, от ветра не развалится. Испокон веков никто не нянчился с посевами, как с барышней, как он!»

«Точно! Говорит ещё, что может предсказывать жизнь и смерть. А я вот вчера видел Ван Саньлана — вернулся довольный, заработал кучу денег, даже мясо купил. Вид у него бодрый, хоть сейчас пляши. И где же тут его "чудеса"? Вы просто слишком легко верите во всякую ерунду».

Кто-то ещё добавил:

«Ливень и сильный ветер? Я спрашивал у старшего дяди Тяня в деревне — он всю жизнь землю обрабатывает, говорит, ничего такого не будет, а значит, не ошибётся. Несколько дней назад погода менялась — и правда тревожно было, но теперь-то снова яркое солнце, луна чистая, без ореола — откуда тут взяться буре? Хэ Бянь просто переживает за урожай, да и молодой ещё — ошибиться может. Но он, конечно, молодец — даже старуху У заставил работать!»

Старуха У, слушая эти насмешки, хотела огрызнуться, но сил не было. Измотанная, она тяжело опустилась прямо на межу. Солнце палило в зените, в глазах всё плыло от жара, во рту

пересохло, в груди сжималось — ей казалось, будто на небе сразу два солнца.

И вот это — дождь?

Неужели он ошибся?

Она тихонько спросила у Тан Тяньцзяо, много ли у них ещё осталось работы и стоит ли продолжать — ведь никаких признаков дождя не видно. Тан Тяньцзяо тоже немного засомневалась: обработать за раз больше десятка му — и корова устанет, не то что человек. Но раз уж половину сделали, надо довести до конца.

От этого у старухи У стало ещё тревожнее. Она пошла искать Хэ Бяня и, запинаясь, сказала:

«Хэ Бянь... может, пересчитаешь ещё раз? У меня как-то беспокойно на душе...»

Хэ Бянь холодно ответил:

«Неспокойно — значит, работай с этим беспокойством».

Старуху У отчитали — и, странное дело, ей стало спокойнее.

Она поспешно закивала:

«Да-да, верно, верно...»

Проходя мимо людей из семьи Ван, она ещё и сцепилась с ними, заявив, что те рано или поздно пожалеют.

Поначалу, когда Хэ Бяня начали ставить под сомнение, он и сам тревожился. Его перерождение — уже переменная, а значит, и события прошлой жизни в этой могут измениться.

Если предсказание окажется неверным, всё, что он выстраивал до этого, рухнет в одночасье. Тогда последует ответный удар, и всё может закончиться тем, что обе стороны погибнут.

С тех пор как он переродился, у него появилась привычка разговаривать самому с собой. В доме сейчас никого не было — Чжан Мэйлинь с сыном каждую ночь стояли на коленях в родовом храме.

Хэ Бянь смотрел на высоко висящую луну. Его профиль был худым, глаза — большие; в таком возрасте они должны были быть наивными и светлыми, но в глубине таилась мрачная тревога. Он напоминал маленького котёнка, загнанного в безвыходность, который молча молится луне.

Чжоу Ци стоял у входа в дом, наблюдая за ним, затем вышел во двор и встал рядом. Его высокая фигура, словно туча, заслонила Хэ Бяню свет — перед ним сразу потемнело. Тот нахмурился, отступил в сторону и спросил:

«Ты меня передразниваешь?»

Чжоу Ци смотрел на луну. Ему и не нужно было оборачиваться, чтобы знать, каким напряжённым и настороженным взглядом смотрит на него Хэ Бянь. Он холодно ответил:

«Я выше тебя. Если есть боги, они, возможно, сначала увидят меня».

Эти слова заставили Хэ Бяня замереть.

Чжоу Ци ведь немой — он не шутит.

Значит, он всерьёз его поддел... за рост.

Хотя он и сам знал, что низкий... всё равно больно задело.

Хэ Бянь сердито вздохнул, поднял ногу и со всей силы наступил Чжоу Ци на ногу:

«Не думай, что раз ты высокий, то особенный! Я таким стал, потому что кормил тебя!»

Чжоу Ци замолчал, но, глядя на его вспыльчивость, понял: с тех пор как они встретились, Хэ Бянь всё время находился в напряжённой обороне, и, вероятно, по ночам его мучили кошмары.

Теперь он предсказал ливень, но прошло уже пять-шесть дней — а солнце всё так же палило. Сомнения среди деревенских росли. Хэ Бянь, конечно, не был так спокоен, как показывал; внутри он, должно быть, метался, как муравей на раскалённой сковороде, вот и вышел ночью молиться луне.

Чжоу Ци медленно присел:

«Я не это имел в виду».

Но даже сидя на корточках, он всё равно выглядел как гора — словно насмешка сама по себе.

В прошлой жизни Хэ Бянь уже наслушался насмешек: его называли уродцем, коротышкой, "карликом". А теперь даже этот "дурак" смеётся над ним.

«Не имел в виду? Ты просто взял и присел!» - вспыхнул Хэ Бянь, сам не понимая, что срывает злость не туда.

А Чжоу Ци, глядя на него таким, видел уже не того всё более загадочного и хладнокровного человека, каким тот казался на людях, а его настоящую, уязвимую сторону.

И даже в его жёстком сердце что-то смягчилось.

«Я верю. Будет ливень» - сказал Чжоу Ци.

Хэ Бянь пристально посмотрел на него. На холодном и сдержанном лице Чжоу Ци читалась уверенность, а взгляд был сосредоточен только на нём.

Почему-то в этот момент глаза Хэ Бяня вдруг налились теплом.

<http://bllate.org/book/17226/1616187>